

Светлана Алешина

Чушь собачья



Часть сборника
Чушь собачья (сборник)



Папарацци

Светлана Алешина

Чушь собачья

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Чушь собачья / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

«...Мой вопрос почему-то развеселил следователя. Он опять улыбнулся и небрежно заметил:— Пока вас никто ни в чем не обвиняет. Просто предварительная беседа. Мне не хотелось вызывать вас на допрос, тем более что делом этим займется, скорее всего, прокуратура. Но, поскольку все произошло на нашем участке...Как уже говорилось, я рассчитывала на резонанс. Но чтобы собачьим вопросом занялась прокуратура – этого я никак не ожидала. Здесь было что-то не то.— Объясните толком, что вас интересует! – сердито сказала я. – Что это значит – пока не обвиняет? И при чем здесь прокуратура?Опять последовал изучающий взгляд сквозь пижонские очки, и Полянский не очень охотно, но веско произнес:— Девятого июля, в промежутке между часом ночи и шестью утра, известный вам Гаврилов Дмитрий Анатольевич был убит.Невольно я открыла рот и с ужасом уставилась на невозмутимого Полянского...»

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Чушь собачья

Глава 1

Она появилась у нас в редакции в первый день июля, в два часа пополудни – это я помню точно. Длинная стрелка на кварцевых настенных часах как раз в коротком рывке завершала очередной круг, а короткая замерла на стилизованной цифре «два» – и в этот момент открылась входная дверь.

Самое интересное, что, увидев на пороге эту женщину, я ничего такого особенного не ощутила – никаких тревожных предчувствий, хотя обычно интуиция меня не подводит. Но в этот день она промолчала, и я довольно спокойно ответила на приветствие посетительницы, не подозревая, какая бурная череда событий открывается этим визитом.

Пока же мы втроем – я, наш аналитик Кряжковский и фотограф Виктор – обсуждали возможные изменения в логотипе нашей газеты, и ничего более бурного на ближайшее время не предвиделось. Мнений по поводу обсуждаемого вопроса мы почему-то придерживались совершенно противоположных, дискуссия зашла в тупик, и появлению нового человека все даже обрадовались.

Женщине было около сорока, она была скорее некрасива, но ее большие серые глаза, очень живые и выразительные, горели оптимизмом и невольно вызывали расположение. Чувствовалось, что ни возраст, ни внешность не имеют для этой женщины решающего значения, и радость жизни она черпает в чем-то неизмеримо высшем, имеющем непреходящее значение. Одета она была в черное платье несколько экстравагантного покроя, украшенное недорогой, но оригинальной брошью, несомненно ручной работы. Темные волосы с вкраплениями седины были коротко острижены.

– Это редакция газеты «Свидетель»? – спросила женщина приятным, хорошо поставленным голосом.

Мы ответили утвердительно, и тогда она сказала:

– Моя фамилия Токмакова. Токмакова Любовь Георгиевна. Я – искусствовед. И мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь... гм... по одному деликатному делу.

Мы были рады на время прекратить наши споры, и я представилась посетительнице:

– Ольга Юрьевна Бойкова, главный редактор этой газеты. С удовольствием побеседую с вами, если это вас устроит.

Любовь Георгиевна слегка смутилась и произнесла с неловким смешком:

– Право, не знаю, стоит ли беспокоить сразу главного редактора?..

– Ничего, – ответила я, – у меня нет мании величия, если вы об этом, у нас и редакция-то пять человек. Трех вы видите. Секретарша сегодня отпросилась, курьер в отпуске. Так что можете беспокоить любого из нас. Но если дело, как вы говорите, деликатное, то, наверное, вы предпочли бы разговор с глазу на глаз?

На лице женщины промелькнуло что-то вроде удивления.

– Вы меня не совсем правильно поняли, – поспешно сказала она. – Мне совершенно нечего скрывать. Просто я имела в виду, что во всем следует тщательно разобраться. Как говорится, пусть будет выслушана другая сторона. А вообще мне именно хотелось добиться резонанса. Ведь, надеюсь, для вашей газеты справедливость и нормы человеческого общежития – не пустой звук? – При этих словах она посмотрела на меня с тревогой, словно ожидала услышать прямо противоположный ответ.

– Ну, что вы, как можно? – успокоила я ее. – Конечно, мы не обольщаем себя надеждой, что сможем сделать мир лучше, но, во всяком случае, мы пытаемся этому помочь – в меру своих сил. Иногда нам действительно удается восстановить справедливость, хотя бы в отношении одного человека.

– Это уже немало, – горячо поддержала меня посетительница, и тревога исчезла из ее взгляда. – Вот я и подумала...

– Пройдемте в мой кабинет, – предложила я. – Пожалуй, там все-таки будет удобнее разговаривать.

Усаживаясь в кресло, Любовь Георгиевна с любопытством оглядела мой не слишком большой кабинет, и на лице ее появилось выражение некоторой озабоченности.

– Не совсем уверена, что моя история может претендовать на сенсационность, – извиняющимся тоном сказала она. – Она, скорее, банальна. Возможно, из-за этого она представляется многим слишком незначительной...

– Не переживайте, – мягко перебила я. – Расскажите все по порядку. Мы, конечно, охотимся за сенсациями, но газета состоит не из одних сенсаций. Мы придерживаемся того мнения, что пресса должна не только развлекать и информировать, но и помогать людям... Скажу без ложной скромности, к нам часто обращаются те, кто попал в сложную ситуацию, кто отчаялся найти помощь в другом месте, – в том числе и в правоохранительных органах. Иногда нам удавалось распутывать очень сложные дела. – И я добавила с улыбкой: – Наверное, нам уже можно вешать на дверях табличку «Частное детективное агентство».

– В моем деле нет никакой загадки, – вздохнула Токмакова. – Оно абсолютно ясное. Просто с некоторых пор нас с мужем терроризирует наш сосед по даче... – И она тут же поспешно добавила: – Кстати, не нас одних! Но только мы решились противостоять ему. Остальные не хотят связываться.

– Вот как? – озадаченно спросила я. – И в чем же выражается террор? – Как ни была мне симпатична эта женщина, быть арбитром в соседских дразгах мне вовсе не улыбалась.

– В собаке! – округляя глаза, ответила Токмакова. – В совершенно жутком, неуправляемом псе, который не дает никому прохода!

– Не совсем представляю, – осторожно заметила я. – Что же, хозяин пса натравливает его на окружающих? Запускает его на вашу территорию? Кстати, что за порода у этой собаки?

– К сожалению, я не разбираюсь в породах собак, – сказала Токмакова. – Но пес чудовищный! С такой, знаете, тупой злобной мордой... Муж называл мне породу, но у меня это слово постоянно вылетает из головы.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Бог с ней, с породой! Нельзя ли как-то поконкретней? Чем провинился этот страшный пес?

– Пожалуй, я расскажу все по порядку, – ответила Токмакова. – С самого начала. А то у меня в голове все путается, и вы можете меня неправильно понять. – Она подняла глаза к потолку, словно пытаясь вспомнить что-то совсем далекое, а потом очень доверительно сказала: – Вы знаете, дачу мы купили совсем недавно. Скопили кое-какие деньги и купили. Это была наша с мужем давняя мечта – иметь свою хижину за городом, вдали от постоянных стрессов, утопающую в цветах, на живописном речном берегу. Вначале все так и было. Дача расположена в очень удобном месте – в десяти минутах ходьбы от Затона, почти у самой дороги. Правда, дачи там лепятся одна к другой. Пожалуй, хотелось бы большей уединенности, потому что, знаете, муж постоянно на людях, работа заставляет полностью выкладываться – а это так нелегко, когда практически ежедневно приходится, фигурально выражаясь, обнажать перед зрителями свою израненную душу...

Заметив на моем лице недоумение, Любовь Георгиевна с едва заметным упреком пояснила:

– Токмаков Валерий! Вы разве никогда не бывали в нашем драмтеатре?

Ну, конечно! А я-то ломала голову, откуда мне знакома ее фамилия! Как же я сразу не сообразила – Валерий Токмаков, один из ведущих драматических актеров, довольно известный в Тарасове человек, играющий осанистых красавцев с героическим характером!

– Простите, – сказала я. – Не сообразила сразу! Значит, это ваш муж?

– Да, мы женаты уже двадцать лет, – со скрытой гордостью ответила Любовь Георгиевна. – И были счастливы все это время! Хотя у Валерия далеко не простой характер. И вообще, люди искусства...

– Представляю, – заметила я. – Поклонницы, слава...

– Ну, какая уж слава! – скромно сказала Токмакова. – Наверное, Валерий заслуживает большего. Иногда я начинаю себя винить – возможно, это я не позволила ему по-настоящему раскрыться.

– Мне кажется, это вы напрасно, – возразила я. – Судя по всему, вы-то как раз и обеспечили мужу, как говорится, крепкий тыл. Просто судьба артиста зачастую складывается так прихотливо...

Ходили слухи, что красавец Токмаков имеет вспыльчивый характер и вдобавок подвержен пороку, который испортил жизнь не одному актеру, – речь, разумеется, шла о горячительных напитках. Любовь Георгиевна поняла намек, который содержался в моих словах, и постаралась тут же сменить неприятную для нее тему.

– Наверное, вы правы, – сказала она. – Но я отклонилась... В общем, мы купили эту дачу и обустроили ее по-своему. Правда, это не очень-то понравилось соседям...

– Не совсем вас понимаю, – перебила я. – Были какие-то конфликты?

– Нет, ничего серьезного! – отмахнулась Любовь Георгиевна. – Просто мы нарушили стереотип, а люди этого не прощают. Мы стали объектом молчаливого неодобрения. Хотя мы с мужем достаточно общительные люди, но вот в этом кругу отношения у нас, прямо скажу, не сложились.

– И все-таки, чем вы так досадили соседям? – поинтересовалась я.

Любовь Георгиевна мечтательно улыбнулась.

– Понимаете, мы отбросили идею выращивать на своем клочке земли овощные культуры, – сказала она. – Вместо этого мы рассадили кругом чудесные цветы: астры, георгины, розы. Правда, мы не тронули фруктовых деревьев – это было бы варварством, тем более что они так прекрасно цветут весной. Однако и здесь мы отошли от общих правил – по мнению соседей, мы неверно ухаживаем за деревьями: не делаем обрезку, не прививаем. Вообще ничего не делаем! Но, поверьте, для нас не это главное!

Я посмотрела в ее широко открытые искренние глаза и деликатно напомнила:

– Мы с вами, кажется, опять отклонились от темы. Речь шла о собаке. Надеюсь, сосед не стал вас травить собакой из-за того, что вы не прививали фруктовые деревья?

– Нет, никакой связи! – решительно произнесла Любовь Георгиевна. – Этому соседу нет никакого дела до наших деревьев. Ему, кстати, нет дела и до своих собственных. Вы бы видели, какое запустение на его участке!

– Интересно! – удивилась я. – Вы меня окончательно запутали.

– Понимаете, – озабоченно пояснила Токмакова, – эта дача на самом деле принадлежит какому-то инженеру. Раньше он работал на военном заводе, имел связи, неплохо зарабатывал... А потом, говорят, уехал на заработки за границу. Кто-то из его знакомых присматривал за дачей, а этой весной там поселился нынешний сосед. Между нами говоря, очень неприятный субъект – грубый, наглый, почти постоянно пьяный! А потом еще появилась эта псина!

– Значит, псина появилась не сразу? – уточнила я.

– Не сразу, – согласилась Токмакова. – Пожалуй, я даже затрудняюсь сказать, когда именно она появилась. В силу многих причин мы с мужем бываем на даче крайне нерегулярно, и появление собаки было для нас полной неожиданностью. Помню, мы только подошли

к калитке, как вдруг, откуда ни возьмись, выскочила эта жуткая зверюга и сразу вцепилась мне в руку!

– Она вас укусила?!

– Именно! – Любовь Георгиевна, стесняясь, завернула длинный и широкий рукав платья и показала мне довольно свежий розовый шрам на предплечье. – Я была в шоке! Слава богу, мужу удалось отогнать в тот раз пса. Но это стоило ему брюк. Хорошо, что это были старые брюки.

– А к врачу вы потом обращались? – перебила я бурный поток ее словоизлияний.

– Нет.

– Как же так? Ведь вас укусила неизвестная собака. А вдруг бешеная? Нормальный человек в таком случае делает профилактические уколы.

– Нормальный человек, может быть, их и делает, но я прежде всего – нормальная женщина и уколов боюсь больше всего на свете!

На лице Токмаковой отразилось неподдельное волнение, точно этот неприятный эпизод был пережит ею пять минут назад.

– И что же было дальше? – спросила я.

– Откровенно говоря, мы не поняли, откуда взялась эта собака, – продолжала Любовь Георгиевна. – Но тут появился сосед, как всегда, пьяный, и, представьте себе, покрыл нас матом за то, что мы, видишь ли, трогаем его Рекса! Муж возмутился, естественно, и мне стоило большого труда погасить конфликт – собственно, я попросила Валерия оказать мне помощь – потому что про меня он, конечно, забыл. А мне было очень больно, и рука вся была в крови. Когда он это заметил, он плюнул на соседа с собакой и увел меня в дом. Там мы обработали и перебинтовали рану.

– А что сосед? – поинтересовалась я.

– А что ему? – горько усмехнулась Любовь Георгиевна. – Пошел себе в Затон – время от времени он туда навещался, покупал в магазине продукты и, без сомнения, водку. Он тоже был возмущен – еще бы, мы посмели тронуть его драгоценную собаку!

– Вы обращались по этому поводу к участковому? – деловито спросила я.

– Представьте себе, обращались, – сказала Токмакова. – Трижды. Наконец он тоже соизволил нас навестить. Однако заявление принять отказался, сославшись на срок давности. Его равнодушие было подозрительным! Я бы взяла на себя смелость заявить, что в душе он даже был на стороне этого хама!

– Неужели? – удивилась я. – Но ведь факт, что собака напала на вас?

– Для представителя власти это был вовсе не факт, – сказала Любовь Георгиевна, и в ее голосе прозвучали саркастические нотки. – Он даже не потрудился найти свидетеля, хотя я уверена, что кое-кто из соседей наблюдал за нашим сражением... Он целиком положился на заявление владельца собаки – якобы мы ее дразнили. Но это же абсурд!

– Да, сложный случай! – покачала я головой. – Понимаю, что вам тогда было не до этого, но стоило все-таки запастись парочкой свидетелей.

Токмакова махнула рукой и сказала удрученно:

– Я совсем не уверена, что нам это бы удалось. Я же говорила, что у нас с соседями не было взаимопонимания. И потом, вряд ли кто-то сейчас захочет связываться с милицией, судами. Эта собака бросалась не только на нас, я уверена. Она бежит без намордника, пролазит через забор... Просто страшно стало там жить, понимаете?

– А вообще, вы не пытались поговорить с этим... соседом? – спросила я. – Кстати, как его зовут?

– С ним невозможно разговаривать! – с негодованием воскликнула Токмакова. – Он абсолютно некоммуникабелен! Иначе как матом он вообще не изъясняется! Должна признаться, что муж уже несколько раз с ним ругался. Он очень вспыльчивый человек, и если бы не мое

вмешательство, не знаю, чем бы все кончилось. А буквально десять дней назад этот Рекс покусал и Валерия! Это было утром, а вечером ему играть в спектакле, представляете? Но тут уж мы действовали решительно – сразу обратились в больницу и взяли справку о причиненных увечьях. У мужа прокушена нога, и он до сих пор хромает. Он так и на сцену вышел – хромая. Вы же понимаете, настоящий артист умирает на сцене! – с пафосом закончила она.

– А, кроме справки, вы приняли какие-то меры? – поинтересовалась я.

– Разумеется! – с жаром сказала Токмакова. – В тот же день я подала заявление в суд. И, вы не поверите, кончилось тем, что оно попросту затерялось! Но тут уж у меня окончательно лопнуло терпение, и я пришла к вам. Если никто не хочет слушать нас, то, может быть, к голосу вашей газеты прислушаются? Ведь это настоящий произвол! Почему один какой-то негодяй может терроризировать всю округу? И делает это совершенно безнаказанно? Или вы считаете, что эта тема неактуальна?

Любовь Георгиевна настолько разволновалась, что лицо ее пошло красными пятнами и сделалось особенно некрасивым. А в глазах ее застыла такая жгучая обида на весь свет, что я вряд ли бы посмела ей сейчас возразить, даже если бы этого очень хотела. Но в принципе я была с ней согласна. Меня раздражали владельцы собак, не чувствующие ответственности за своих питомцев. И эта тема как раз казалась мне очень актуальной. Пожалуй, основываясь на этом случае, можно было организовать в газете целую дискуссию, привлечь к вопросу внимание законодателей. Но сначала для порядка следовало бы выслушать, как выражалась сама Любовь Георгиевна, и другую сторону.

– Ради бога, не волнуйтесь! – сказала я. – Мы постараемся вам помочь. Но, согласитесь, объективности ради мы должны встретиться с вашим обидчиком. Кстати, вы так и не сказали, как его зовут...

– Он нам не представлялся, – ответила Токмакова. – Если я не ошибаюсь, милиционер называл его Дмитрием Анатольевичем. А фамилия, кажется, Гаврилов. Именно так я зафиксировала его в своем заявлении. А что оставалось делать? Он же не идет на контакт!

– Этот Гаврилов постоянно живет на даче?

– Поручиться не могу, – задумчиво сказала Токмакова. – Но у меня складывается именно такое впечатление. Кстати, он, по-моему, вообще не из нашего города. Когда участковый проверял у него документы, в разговоре всплыло название... Вот совершенно выветрилось из памяти! – она озабоченно наморщила лоб. – Новосибирск? Хабаровск? Честное слово, не помню!

– Видимо, он нездешний, – заключила я. – Это как-то удивило участкового?

– Да, он еще спросил, что этот тип здесь делает. И тот, знаете, нагло так ответил, что проводит отпуск на даче своего друга, и законом это, мол, не запрещено... Отпуск! Это более трех месяцев. Вы слышали что-либо подобное?

– Ну, у некоторых категорий работников и раньше были продолжительные отпуска, – заметила я. – А уж в наше нестабильное время... Только меня смущает такой момент – вы говорите, более трех месяцев. Не с апреля же он живет на даче?

– А что? – недоуменно посмотрела на меня Токмакова. – Домик там вполне пригоден для жилья, оснащен АГВ... Да, соседи говорили, он появился там уже в апреле, это точно! Но, в конце концов, это неважно. Важно, что потом они с участковым уединились на пять минут в комнате и о чем-то там шушукались, после чего милиционер явно принял его сторону. Вам это не кажется странным?

– Вот как раз странным мне это не кажется, – сочувственно сказала я. – Но, поскольку свидетелей их уединения у нас нет, не будем об этом. Лучше расскажите, как найти дачу этого Гаврилова. Я завтра же съезжу туда и попробую с ним побеседовать.

– Ради бога, будьте осторожны! – с беспокойством взглядывая на меня, сказала Любовь Георгиевна. – Мне не хотелось бы, чтобы от этой собаки Баскервией пострадала такая очаро-

вательная женщина, как вы! Может быть, вам стоило бы предварительно договориться с участковым?

– Не волнуйтесь, – успокоила я ее. – Мы поедем вместе с фотографом. Виктор – человек военный, служил в разведке. С одной собакой он уж как-нибудь справится.

– Ну, хорошо, – с сомнением произнесла Токмакова. – К сожалению, мы с мужем оба завтра заняты. Но, может быть, так вам даже будет удобнее. В общем, слушайте! Вы доедете автобусом до конечной остановки в Затоне...

– Мы поедем на машине, – поправила ее я.

– Ага! – Любовь Георгиевна на секунду задумалась, а потом попросила листок бумаги и карандаш. – Тогда я лучше начерчу вам план. Так вам будет легче разобраться. И потом, наверняка там кто-то будет из дачников – они подскажут.

Она набросала на бумаге довольно подробную схему участков и протянула ее мне. Однако на лице Любви Георгиевны явственно читалось сомнение.

– Знаете, вот сейчас мне начинает казаться, что я зря отнимаю у вас время, – сказала она. – В самом деле, почему вы должны заниматься нашими проблемами? Наверное, мой рассказ показался вам до некоторой степени анекдотичным?

– Анекдоты, на мой взгляд, должны быть смешными, – ответила я. – А то, что вы рассказали, – совсем не смешно. И это далеко не только ваша проблема, и мы будем о ней говорить.

– Правда? – Любовь Георгиевна посмотрела на меня с благодарностью. – Я очень рада, что вы так думаете. С вашей поддержкой мы будем чувствовать себя значительно увереннее.

Мы очень тепло распрощались и договорились созвониться, когда эта история получит продолжение. Проводив посетительницу, я посвятила своих мужчин в суть дела.

– Завтра мы выезжаем на место проживания этой собаки Баскервилей, – предупредила я Виктора. – Захвати с собой аппаратуру – неплохо будет, если мы снимем хозяина этого зверя и хищный собачий оскал – это очень оживит газетный материал.

– Какая порода? – меланхолично поинтересовался Виктор.

– Ты имеешь в виду собаку? – спросила я. – К сожалению, Любовь Георгиевна не разбирается в породах собак, но, по ее словам, это что-то ужасное. Кстати, ты умеешь защищаться от нападения собак?

Виктор молча показал мне газовый баллончик.

Мы были настроены весьма решительно, но о мерах безопасности рассуждали скорее в шутку. Мы считали, что нам опасаться нечего.

Глава 2

На следующее утро мы с Виктором отправились на дачу. День был чудесный – солнечный, с теплым ветерком. Пыльная, нагретая солнцем дорога привела нас в благословенный уголок, где на берегу Волги один к другому лепились дачные домики, почти не различимые за пышной зеленью фруктовых деревьев.

Остановив машину на обочине дороги, мы вышли и осмотрелись. Вокруг царила необыкновенная тишина, нарушаемая лишь треском стрекозиных крыльев. Стрекозы водились здесь в изобилии.

Внизу синела гладь Волги, в которой явственно отражались неподвижные белые облака, заросшие кустарникам острова и паруса спортивных яхт. Над водой лениво парили чайки. Вокруг пахло листвой, цветами и речной водой. Если рай все-таки существует, то он наверняка выглядит именно так: густые сады, яркое солнце, стрекозы и тишина.

Но мы еще не заслужили права на наш рай, поэтому я достала нарисованную Любовью Георгиевной схему и сказала, неизвестно на кого сердясь:

– Не расслабляйся! Мы на работе. И где-то тут бродит ужасная собака. Она только и ждет, чтобы мы потеряли бдительность.

Виктор рассеянно улыбнулся и полез в машину за аппаратурой. Он повесил через плечо фотоаппарат, рассовал что-то по карманам, и мы углубились в лабиринт садов, разграниченный невысокими заборчиками, за которыми сквозь густые ветки, усыпанные созревающими плодами, виднелись летние домики, аккуратные грядки и посыпанные песком дорожки.

Несмотря на план, мы сразу же потеряли ориентировку. То, что казалось очевидным местному аборигену, сбивало нас с толку. Все дачи казались нам похожими друг на друга, а буйная растительность мешала обзору. Вскоре я поняла, что без подсказки нам не обойтись. К сожалению, вокруг не было видно ни одной живой души – словно весь этот рай был еще пуст и только готовился к приему гостей.

Виктор, угадав мои мысли, молча показал на ближайшую калитку.

Хозяева здесь, поняла я. Иначе бы висел замок.

Мы перешли границу частного владения и медленно пошли по дорожке, мощенной красным кирпичом, которая вела от калитки к деревянному дому, выкрашенному зеленой краской. Слева тянулись ряды ухоженного виноградника, справа чуть слышно шелестели кроны яблонь. На веранде дачи стоял простой деревянный стол, на котором ничего не было, кроме бутылки с растительным маслом. Здесь тоже царила умиротворенная тишина.

– Ау, хозяева! – осторожно позвала я. – Есть тут кто-нибудь?

Только я это сказала, как откуда-то из-за угла дома совершенно бесшумно выступил человек, дочерна обожженный солнцем. Из одежды на нем была тряпочная кепка с засаленным козырьком и выцветшие синие шаровары, поверх которых колыхался огромный загорелый живот. Лицо человека было покрыто морщинами и седой щетиной, а маленькие голубые глазки смотрели хитро и подозрительно. В руках дачник держал тяпку с отполированной рукояткой.

– Здравствуйте! – сказали мы хором.

– Добрый день! – ответил хозяин, ощупывая нас въедливым взглядом. – Что-то не признаю – вы кто ж такие будете? Вроде я вас раньше не видел?

– Ничего удивительного, – сказала я. – Мы здесь впервые. Ищем одного человека. Может быть, вы нам поможете?

Дачник усмехнулся неподражаемой притворно-простодушной усмешкой.

– Все может быть, – уклончиво сказал он. – А с кем, простите, имею честь?

Чтобы предотвратить дальнейшие вопросы, я протянула ему свое журналистское удостоверение. Хозяин читал его долго и с удовольствием, беззвучно шевеля губами.

– Понимаю, – сказал он наконец, возвращая книжечку. – А я Боровских Тимофей Иванович, полковник в отставке. Теперь вот здесь место моей дислокации, – он негромко похихикал и обвел рукой свои владения. – Благодать!

– Да, у вас тут хорошо, – согласилась я. – Но, говорят, есть свои проблемы?

Полковник посмотрел на меня хитрым взглядом и рассудительно заметил:

– А где ж их нет, проблем-то? В этом вся жизнь, в проблемах! Куда денешься? Разве только на кладбище проблем нет! – и он снова сдержанно хохотнул, весьма довольный своим остроумием.

Я вежливо улыбнулась.

– И все-таки у нас есть информация, что здесь имелись случаи нападения собаки на дачников. Вы ничего об этом не слышали?

Тимофей Иванович оперся на тятку и задумчиво уставился почему-то на Виктора.

– Собаки, говорите? Это чьей же собаки? Вроде у нас и собак тут особых нет. Кто вам это сказал?

– Сказала нам гражданка Токмакова, – ответила я. – Знаете такую? А собака вроде бы принадлежит некоему Гаврилову. И собака эта уже покусала Токмакову и ее мужа. Может быть, были и другие случаи.

Отставной полковник выслушал меня очень внимательно, наморщил лоб и уставился себе под ноги. Он долго думал, жуя губами, а потом изрек:

– А что? Вполне возможно, что и были случаи! Сейчас порядку-то нигде нет. Вы вот в газете пишете, а что толку? Все только хуже и хуже. Вот, к примеру, моя пенсия...

– Тимофей Иванович! – перебила его я. – Мы бы с удовольствием поговорили о вашей пенсии, но совершенно нет времени. Раз вы не слышали о собаке, так, может, вы подскажете, где найти дачу Токмаковых?

Лицо Боровских выразило явное неудовольствие. Полковник выпрямился, выпятив живот, и ожег меня посуровевшим взглядом.

– Не знаю таких! – отрезал он. – Тут вот Пахомовых дача, тут Либермана. Может, там дальше где... А я таких не слышал. Ищите!

Нам ничего не оставалось, кроме как ретироваться. Хозяин провожал нас неприязненным взглядом до самой калитки, держа тятку наперевес, точно пограничник ружье.

– У меня такое ощущение, что со свидетелями будет туго, – заключила я, когда мы оказались на дорожке в окружении дачных заборов.

Виктор пожал плечами и кивнул куда-то в сторону. Метрах в десяти от нас на дорожке в тени пышной акации стояла невысокая женщина в панаме, просторной футболке и вытянутых на коленях трикотажных брюках. Она с любопытством смотрела на нас, морща остроносое личико в приветливой улыбке. Не сговариваясь, мы двинулись в ее сторону и поздоровались.

– Ищите кого-нибудь? – спросила женщина приятным звонким голосом, разглядывая нас с доброжелательным любопытством. – Я слышала, вы с Тимофеем Ивановичем разговаривали...

– Разговаривали, – призналась я. – Но, кажется, неудачно.

Женщина тонко улыбнулась.

– Тимофей Иванович у нас с характером, – сообщила она, понижая голос. – Наверное, он сегодня не в духе. Но вы не расстраивайтесь. Может быть, я сумею вам помочь. – И тут же предложила: – А то пойдемте в дом, я вас квасом угошу!

– Нет, спасибо, – сказала я. – Может быть, в следующий раз. У нас работа. Нужно найти одного человека, – тут я на всякий случай продемонстрировала свое удостоверение.

– Ой, да вы из газеты? – восхитилась дачница. – Очень приятно! Знаете, я иногда читаю вашу газету. Попадают интересные статьи! – она посмотрела на меня с притворным ужасом

и по-заговорщически прошептала: – Только не говорите, что здесь у нас совершено какое-то преступление! Я ужасная трусиха!

– Ну, преступление – не преступление, – ответила я. – Но, скажем так, нарушения общественного порядка у вас здесь случались?

Женщина подняла брови.

– Да вроде у нас здесь тихо, – неуверенно сказала она.

– А вот, говорят, собачка здесь у вас озорует, – подсказала я.

– Точно! – с жаром согласилась дачница. – Это было. Но мы как-то уж привыкли, не замечаем. Конечно, если она поблизости бегают, то без палки стараемся не выходить.

– А такие случаи, чтобы она набрасывалась на людей, имели место? – поинтересовалась я.

Женщина кивнула.

– А как же! Конечно, имели, – она открыла свою калитку и решительно махнула рукой. – Все-таки пойдемте! Я вас кваском угощу! Все равно разговариваем, а жара-то сегодня...

Пока мы шли через сад к ее маленькому белому домику, крытому шифером, хозяйка успела сообщить, что зовут ее Софьей Андреевной, что она на пенсии и что ее покойный муж Арнольд Либерман был администратором филармонии.

– Эту дачу обустроил он, – с гордостью сообщила Софья Андреевна. – Своими руками. Когда я здесь, мне все время кажется, что Арнольд где-то рядом – будто он и не уходил, понимаете?

Усадив нас на веранде в красивые плетеные кресла, Софья Андреевна угостила нас холодным шипучим квасом, в котором плавали темные кисловатые изюминки. Глоток чудесного домашнего напитка был весьма кстати.

– Значит, вас интересует эта собака, – глубокомысленно произнесла Софья Андреевна. – Понимаю. Меня это тоже касается. Эта псина порвала мне юбку. Юбка была, конечно, никудышная, но не в этом же дело, правильно? Она запросто могла меня покалечить. О! Я знаю, с кем вам надо поговорить – с Токмаковыми. Они оба пострадали от этой собаки. Валерий Сергеевич – вы знаете нашего ведущего артиста? – был вообще взбешен. Со свойственной ему пылкостью он даже пообещал владельцу собаки убить его!

– Неужели убить? – удивилась я.

– Убить-убить! – убежденно сказала хозяйка. – Конечно, нужно делать скидку на артистичность натуры... но Токмаков – мужчина видный и в состоянии аффекта на многое, я думаю, способен. Хотя в этот раз они все-таки разошлись миром – если эту ужасную брань можно назвать миром.

– А вы знакомы с владельцем собаки? – спросила я.

– Да он ни с кем не поддерживает отношений! – воскликнула Софья Андреевна. – Живет бирюком на даче. Кстати, дача эта не его, она принадлежит Порошкову Сергею Гавриловичу. Муж был с ним в приятельских отношениях. Но тот уже три года работает где-то в Алжире, сюда и носа не кажет. А этот мужчина, наверное, родственник его. Боже, сохрани от таких родственников! Всегда мрачный, полупьяный и глазами зыркает так, будто думает вас зарезать!

– Неужели такой страшный?

– Неприятный субъект, – подтвердила Софья Андреевна. – Но вот был здесь участковый, проверял у него документы – видимо, все в порядке. Я, впрочем, стараюсь держаться от него подальше.

– А с Токмаковыми встречаетесь? – поинтересовалась я.

– Ну как встречаемся? – пожала плечами Софья Андреевна. – Они тоже люди непростые. Богема! Конечно, здороваемся, когда видимся. Но так чтобы поддерживать отношения – этого нет.

– А факт нападения собаки можете засвидетельствовать? – спросила я. – Видели своими глазами?

Софья Андреевна с сожалением покачала головой.

– Да откуда! Я тут у себя потихоньку ковыряюсь, никуда не выхожу. Скандал-то, ругань я слышала. А факт засвидетельствовать не берусь, не видала.

– Тогда, может быть, объясните, как найти дачу Порошкова?

– Да это очень просто, – сказала Софья Андреевна. – Можно с дороги зайти. А можно через мой забор перелезть, и как раз выйдете к даче Токмаковой. Они весь участок цветами засадили – сразу узнаете. А напротив – дача Порошкова. Дом там хороший, кирпичный. Он здесь один такой, тоже сразу узнаете.

Недолго посоветовавшись, мы решили воспользоваться предложением хозяйки и срезать путь, перебравшись через ее забор. При этом я порадовалась, что сегодня предусмотрительно надела джинсы.

Провожая нас в конце участка, Софья Андреевна неожиданно смущенно хихикнула и шепнула:

– Скажу вам по секрету! Если хотите побеседовать с человеком, который все про всех знает, то попробуйте обратиться к нашей мисс Марпл – уж она-то вам порасскажет!

– К кому обратиться? – удивленно переспросила я.

– Ну, это мы ее так называем, – улыбнулась Софья Андреевна. – Сериал по Агате Кристи видели? Вот у нас есть тут своя такая старушка. Ей восемьдесят лет, но бодрая она необычайно. Бывший адвокат. На самом деле ее зовут Клавдия Дмитриевна. Ее крыша во-о-он торчит! Найдете без труда.

Мы посмотрели туда, куда указывала Софья Андреевна, и действительно увидели выглядывающую из густи зеленых крон островерхую крышу, отделанную железом, выкрашенным в красный цвет.

– Сидит у себя в башне и за всеми наблюдает, – сказала Софья Андреевна и тут же добавила, словно оправдываясь: – Но вы не подумайте, я не в осуждение. Кто знает, какие у нас будут в старости причуды, правда? Вреда от старушки никакого нет, да и нам тут скрывать особенно нечего. Пусть себе наблюдает, верно?

Мы согласились с этим мнением, хотя, на мой взгляд, в той зеленой каше, которая нас окружала, невозможно было ничего высмотреть даже при наличии самых современных оптических приборов. Впрочем, наверное, местной мисс Марпл с ее наблюдательного пункта было виднее. В крайнем случае, можно будет поинтересоваться.

В конце сада мы перемахнули через забор и попрощались с Софьей Андреевной. Напоследок она еще раз знаками показала, куда идти, и скрылась в зарослях малинника.

Дачу Токмаковых мы и правда узнали сразу. Небольшой дощатый домик со всех сторон был окружен морем цветов. Огненно-красные, белые, лиловые – почти все пространство небольшого участка было занято цветочными клумбами, и лишь десяток печальных яблонь робко теснился среди этого яркого пиршества. От цветов исходил необыкновенный аромат – казалось, им пропитано все вокруг.

Калитка Токмаковых, как и ожидалось, оказалась на замке. Мы обошли дачу кругом и наконец увидели кирпичный дом Порошкова.

Он действительно выглядел солидно. Думаю, в нем было по крайней мере две комнаты, не считая кухни. Забор тоже был сооружен на совесть – упругая стальная сетка на прочных железных столбах. В свое время хозяин, видимо, предполагал здесь крепко обосноваться. Однако участок был основательно запущен. Сорная трава подступала к самому крыльцу и пробивалась сквозь щели в каменной плитке, которой была выложена дорожка к дому. А неухоженные фруктовые деревья, если можно так выразиться, стояли по колено в бурьяне. Сколько ни вглядывались мы сквозь ячейки забора, никаких признаков жизни во дворе не обнаруживалось. Однако замка на калитке не было – значит, в доме все-таки кто-то был.

– Готовь аппарат! – негромко сказала я Виктору, пытаясь открыть калитку.

Она не поддавалась – не пускала задвижка, до которой снаружи добраться не было никакой возможности. Звонка здесь тоже не было предусмотрено. Оставалось одно: как говорят военные, подавать сигнал голосом.

– Покричи, – предложила я Виктору. – Все-таки ты мужчина и служил в армии. У тебя должен быть командный голос.

Виктор откашлялся и старательно гаркнул:

– Эй, хозяин! Выдь на минутку!

Результат не замедлил сказаться – вдруг тревожно зашумел бурьян, и из зеленой гущи молнией взметнулось лоснящееся черное тело. В два прыжка оно достигло забора и с размаху обрушилось широкими мощными лапами на стальную сетку. Из собачьей глотки вырвался короткий угрожающий рев, сетка загнулась.

Мы невольно отпрянули, но Виктор тут же опомнился и хладнокровно сфотографировал терзающего забор пса и его оскаленную зубастую пасть. По крайней мере, теперь можно было сказать, с кем мы имеем дело. Рекс оказался ротвейлером. Экземпляр был не самый крупный, но некоторая недостаточность в размерах с лихвой компенсировалась отчаянной свирепостью. Глядя на эти клыки, на массивный собачий лоб с рыжей подпалиной, на горящие ненавистью глаза, я только удивлялась, как еще эта псина не перекусила весь поселок.

Между тем пес отчаялся взять штурмом забор и, опустившись на все четыре конечности, несколько раз рывкнул на нас глухим захлебывающимся лаем. На этот лай из дома вышел человек в спортивных «адидасовских» брюках и в майке, которую только условно можно было признать белой. Остановившись на крыльце, он несколько секунд всматривался в наши фигуры, а потом крикнул сердитым хриплым голосом:

– Какого хрена вам тут надо?

По правде говоря, выразился он несколько откровеннее, но, видимо, это было для него самым обычным делом.

– Простите, вы – Гаврилов Дмитрий Анатольевич? – любезно поинтересовалась я. – Нам хотелось бы с вами переговорить!

Грубиян подозрительно нахмурился, поднял с земли обрезок какой-то трубы и, угрожающе сжав ее в кулаке, медленно приблизился к забору. Он был небрит и выглядел действительно мрачновато, если не сказать больше. Когда он заговорил, до нас донесся явственный запах перегара.

– Кто вы такие? – грубо спросил он.

– Мы из газеты «Свидетель», – сообщила я. – Хотим выяснить у вас обстоятельства, связанные с вашей собакой. Нам стало известно, что она покусала здешних дачников...

Гаврилов не стал слушать дальше. Он показал нам трубу и коротко бросил:

– Мотайте отсюда, пока она и вас не покусала! Я два раза повторять не буду!

Он выглядел в этот момент так колоритно, что Виктор не удержался и щелкнул его крупным планом. Эта вольность привела нашего собеседника в ярость. Он махнул обрезком трубы и заорал, брызжа слюной:

– Я тебе сейчас череп расколю, чмо! Взять их, Рекс! Фас!

Рекс взревел утробным голосом и ломанулся в калитку. Если бы Гаврилов сумел ее быстро открыть, нам с Виктором пришлось бы туго. Но он был хронически, застойно пьян, и руки плохо его слушались. Пока он возился с задвижкой, Виктор успел подготовиться.

Оттеснив меня за спину, он встретил собаку оглушающей жгучей струей из заблаговременно припасенного баллончика. Хватив аммиака, пес ошалел. Он подпрыгнул, жалобно взвыл и кубарем покатился обратно, пытаясь передними лапами стереть с морды обжигающую жидкость.

Гаврилов слегка опешил от такого оборота дела, но поступил в этот момент расчетливо и мудро. Он не бросился в драку, а попросту запер калитку и поспешно ретировался в дом,

ругая нас на ходу самыми последними словами. Куда-то исчез и пес – должно быть, забился в укромное место. Мы опять остались одни.

– Ух, как я напугалась! – призналась я Виктору. – Не понимаю, как люди обходятся здесь одними палками. По-моему, такого зверя даже рогатиной не возьмешь.

– Ну, сейчас он защищал свою территорию, – задумчиво произнес Виктор. – Однако поле боя, кажется, осталось за нами.

– Зато интервью сорвалось, – ответила я с досадой. – И наверняка окончательно.

– Зато кадры получились – пальчики оближешь! – заметил Виктор.

– Однако для полноценной статьи информации, пожалуй, маловато. Я предлагаю пройтись по окрестным участкам, – сказала я. – Глядишь, чего-нибудь и наберется. Встретимся с участковым, а потом вернемся в город и заглянем в суд, куда обращалась Токмакова. Отрицательная информация – тоже информация.

Виктор кивнул в знак согласия.

– Начнем с мисс Марпл? – спросила я. – Хотя нет, лучше обойдем тех, кто поближе. Кроме того, боюсь, как бы старушка нас не заговорила. Все-таки бывший адвокат. Да и вообще, по-моему, дело ясное. Вот только не пойму, откуда у этого типа такая собака? Не из Хабаровска же он ее привез?

Глава 3

Через несколько дней статья была напечатана. Мы расширили ее за счет информации, которую собрали также среди своих знакомых, соседей и просто прохожих на улицах нашего города – безответственное поведение хозяев опасных собак действительно приобрело характер серьезной проблемы, это становилось ясно из многочисленных рассказов потерпевших. Но, конечно, стержнем статьи являлся случай супругов Токмаковых, который был расписан подробно и красочно. Статья была иллюстрирована прекрасными снимками свирепого Рекса и не менее свирепого его хозяина с обрезком металлической трубы в кулаке.

Газета вышла, и мы стали ждать откликов наших читателей. Особенно мы рассчитывали на реакцию законодателей, судебных органов и милиции. К этим структурам мы обращались с прямым и ясным вопросом – как они намерены решать эту проблему. И они откликнулись, но весьма неожиданным образом.

Еще через два дня в редакции появился красиво постриженный молодой человек в черной рубашке и наглаженных светло-кремовых брюках. На его загорелом лице красовались модные солнцезащитные очки, а на запястье болталась кокетливая сумочка, в каких теперь мужчины носят деньги и документы. Пахло от него дорогим одеколоном, и двигался он расслабленной, но уверенной походкой, точно спортсмен на отдыхе.

Этой походкой он проследовал прямо ко мне в кабинет и снисходительным тоном объявил:

– Полянский Юрий Павлович, следователь Волжского отдела внутренних дел. Предъявить документы?

– Предъявите! – мстительно сказала я, не слишком очарованная его тоном.

Гость посмотрел на меня сквозь темные очки, слегка улыбнулся и полез в свою замечательную сумочку. Удостоверение подтверждало его слова.

– Чем обязана? – спросила я, указывая Полянскому на кресло.

Он уселся, поддержнув брюки, и сообщил:

– Мне хотелось бы побеседовать с тем, кто готовил статью о собаках... В последнем номере у вас ведь была такая статья?

– Да, такая статья была, – ответила я. – Готовили ее трое – я, Кряжковский и наш фотограф. А что случилось, я могу узнать? Мы исказили какие-то факты? Господин Гаврилов обвиняет нас в клевете?

Мой вопрос почему-то развеселил следователя. Он опять улыбнулся и небрежно заметил:

– Пока вас никто ни в чем не обвиняет. Просто предварительная беседа. Мне не хотелось вызывать вас на допрос, тем более что делом этим займется, скорее всего, прокуратура. Но, поскольку все произошло на нашем участке...

Как уже говорилось, я рассчитывала на резонанс. Но чтобы собачьим вопросом занялась прокуратура – этого я никак не ожидала. Здесь было что-то не то.

– Объясните толком, что вас интересует! – сердито сказала я. – Что это значит – пока не обвиняет? И при чем здесь прокуратура?

Опять последовал изучающий взгляд сквозь пижонские очки, и Полянский не очень охотно, но веско произнес:

– Девятого июля, в промежутке между часом ночи и шестью утра, известный вам Гаврилов Дмитрий Анатольевич был убит.

Невольно я открыла рот и с ужасом уставилась на невозмутимого Полянского.

Такого продолжения я никак не ожидала, это было чересчур даже для меня. Поэтому мое восклицание прозвучало довольно наивно.

– Не может быть! – сказала я.

– И тем не менее это так, – категорически заявил следователь. – Теперь вы понимаете, насколько все серьезно?

– Да уж, – сказала я ошеломленно. – Серьезнее не бывает. Но что вас интересует конкретно?

– Все! – требовательно сообщил Полянский. – Все, от начала и до конца. Как вы вышли на Гаврилова, что побудило вас написать эту статью, о чем вы беседовали с покойным?.. И, кстати, неплохо было выяснить, имеется ли у вас алиби на день убийства.

– Ну, это уж вы хватили! – возмутилась я.

– Заметьте, – терпеливо сказал Полянский. – Пока я ничего от вас не требую. Пока мы с вами просто беседуем. Наличие алиби – в ваших интересах. Кто знает, как может обернуться дело.

– Ну, это уж слишком! – рассердилась я. – Вы имеете дело не с преступниками!

– Давайте не будем повторяться! – поморщился Полянский. – Я уже все сказал. Хотелось бы теперь послушать вас.

Я поняла, что передо мной человек совершенно непошибаемый, и лучший способ от него отделаться – это ответить на его вопросы. Неожиданный поворот событий требовал осмысления, но пока я никак не могла сосредоточиться и решила отложить все на потом, тем более что информации было явно недостаточно.

– Что касается ваших вопросов, – сказала я. – О чем мы беседовали с господином Гавриловым – изложено в статье слово в слово. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Собственно, и беседой-то назвать это трудно, вы согласны?.. Теперь, почему мы занялись этим вопросом и конкретно Гавриловым... Об этом тоже есть в статье. Мы ничего не скрывали. У супругов Токмаковых было несколько неприятных инцидентов с соседом по даче, они пытались как-то разрешить их, обращаясь в милицию и в суд, но, видимо, решили, что от публикации в газете будет больше пользы...

– Вот о Токмаковых, пожалуйста, подробнее, – сказал Полянский. – Вы хорошо с ними знакомы?

Я посмотрела на него с удивлением.

– Любовь Георгиевну я никогда прежде не видела, – ответила я. – Даже не подозревала о ее существовании. А ее супруга, конечно, видела три-четыре раза, когда выбиралась в театр. Я имею в виду – видела на сцене. Лично мы не знакомы.

– Часто бываете в театрах? – насмешливо поинтересовался Полянский.

– Не слишком. А вы? – холодно сказала я.

– Это неважно, давайте лучше поговорим о Токмакове, – предложил Полянский. – Вы с ним разговаривали, перед тем как писать статью?

– Нет, не довелось, – ответила я.

– Но вы беседовали с дачниками, насколько я понимаю, – заметил Полянский. – Кроме того, театралы обычно все знают о своих кумирах. Что за человек Токмаков? Какой у него характер, какие склонности, способен ли он на какие-то экстравагантные поступки?

– По-моему, вы меня не поняли, – сказала я. – Никогда не считала себя театралом, и Токмаков не является моим кумиром. Действительно, я беседовала с его соседями по даче, с женой, но мы не очень подробно разбирали личные качества Токмакова. Он известный артист, немного вспыльчив, выпивает, но пока самым экстравагантным поступком, который он совершил, является устройство цветников на собственном участке. Дачники считают это легкомыслием, по их мнению, выращивать нужно то, что можно съесть... Но вы, кажется, подозреваете именно Валерия Сергеевича в совершении этого преступления?

– Вы даже знаете, как его зовут? – удивился Полянский, уходя от ответа на мой вопрос.

– А что тут странного? – в свою очередь, удивилась я. – Полгорода знает, как его зовут. Однако вы не сказали...

– Верно, не сказал, – согласился Полянский. – Я не хочу торопиться с выводами, подозрениями... А вам этого делать вдвойне не рекомендую. Понимаете, поспешные выводы, неосмотрительно опубликованная статья, сенсация, высосанная из пальца. Все это только искажает и без того запутанную картину, электризует общественное мнение и, в конечном итоге, играет на руку преступникам. Взять хотя бы вашу заметку о собаках... Вы напечатали ее, и, пожалуйста, – убийство! А кому расхлебывать? Расхлебывать правоохранительным органам. Нужно быть ответственным, Ольга Юрьевна!

Этот самоуверенный тип умел раздражать людей. Я чувствовала, что начинаю закипать как самовар.

– Вы хотя и следователь, но причину и следствие явно путаете! – волнуясь, сказала я. – В нашей статье абсолютно ясно сформулирована проблема. Показаны ее истоки, намечены пути решения. Мы приглашали читателей принять участие в обсуждении. Но нигде, ни в едином слове, мы не призывали к убийствам. И мне очень странно слышать от вас обвинение в безответственности!

Полянский выслушал меня, даже глазом не моргнув, и тут же заметил с явным удовольствием:

– Это все слова, Ольга Юрьевна! А я предпочитаю иметь дело с фактами. А факт у нас налицо: статья – убийство. Вам это кажется простым совпадением? Ну а я не могу с этим согласиться. Если совпадение, то уж слишком многозначительное. Я бы сказал, роковое!

Мне осталось только руками развести.

– Не хочу влиять на следствие, – сказала я с иронией. – Но считать, что статья в газете спровоцировала убийство...

– Иногда одно неосторожное слово может привести к непредсказуемым последствиям, Ольга Юрьевна! – назидательно заметил Полянский. – А в данном случае слов было более чем достаточно!

– Ну, знаете! – возразила я. – Мне известно, что наша газета не вызывает у работников МВД особого энтузиазма, но подобные параллели проводятся впервые.

Полянский снисходительно улыбнулся.

– Ничего личного, Ольга Юрьевна! – бодро сказал он. – Ничего личного! Но вернемся к нашим баранам! После публикации кто-нибудь из ваших сотрудников вступал в контакт с героями статьи? Я имею в виду чету Токмаковых, самого Гаврилова или еще кого-то, причастного к делу?

– Нет, не вступал, – ответила я. – Мы планировали созвониться с Любовью Георгиевной, но пока не получилось. А встречаться с Гавриловым не было никакой охоты.

– Вы уверены? – спросил Полянский, пристально глядя на меня. – Подумайте хорошенько. Кто конкретно был на даче и общался с Гавриловым?

– Я была. И наш фотограф Виктор был. Он делал снимки.

– Насколько я помню... гм... из текста, – обронил Полянский, – он не только делал там снимки...

– Вы имеете в виду газовый баллончик, который мы применили в качестве самозащиты? – спросила я.

– Допустим, – кивнул Полянский. – Вы всегда так предусмотрительны?

– Учитывая информацию, полученную заранее, мы были готовы к тому, что на нас спустят собаку, – объяснила я. – Глупо было бы не подготовиться.

– Кто применял баллончик? – поинтересовался Полянский.

– Виктор, – ответила я. – Хочу сразу пояснить, что применялся он только против пса. С Гавриловым мы не сражались. Он, правда, угрожал нам, но в конфликт вступать не стал.

– Так-так, – задумчиво протянул Полянский. – А что за человек этот ваш Виктор?

– Очень хороший человек, – твердо произнесла я. – Надежный, выдержанный, настоящий профессионал. Между прочим, в прошлом служил в разведывательном взводе.

– Вот как? – оживился Полянский. – Армейский разведчик? Наверное, умеет обращаться со всякими видами оружия?

– Да уж, наверное, умеет, – сказала я. – А что, теперь вы его хотите записать в подозреваемые?

Полянский юмористически посмотрел на меня.

– Все-таки не зря МВД недолюбливает вашу газету, Ольга Юрьевна! – констатировал он. – Наверное, настораживает ваш чисто женский подход к делу. Мы же договорились не торопиться с выводами.

– Я-то не тороплюсь, – со вздохом сказала я. – А как убили нашего бедного Гаврилова?

Полянский значительно поджал губы.

– А вот этого, позвольте, пока не скажу, – заявил он. – Лучше расскажите мне еще раз, как происходила ваша встреча с Гавриловым. Со всеми подробностями, пожалуйста, не упуская ни одной мелочи.

Я рассказала. Полянский слушал меня бесстрастно, но очень внимательно. Когда я закончила, он удовлетворенно кивнул и сказал:

– А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы побеседовать с вашим фотографом наедине. Где это можно сделать?

Пришлось уступить ему кабинет. Я сделала это без особого удовольствия, но и не слишком огорчилась. Не в наших правилах мешать следствию, даже если оно нас и недолюбливает, тем более что и скрывать нам было нечего.

Узнав, что наш посетитель из милиции, Виктор только пожал плечами и уединился с Полянским в кабинете. Секретарша Марина, которая до последней минуты пребывала в некотором волнении, разочарованно надула губки.

– Я-то думала, в кои веки зашел интересный мужчина! – призналась она. – И вдруг оказывается, что это опять мент! Он со всеми будет беседовать, Ольга Юрьевна?

– Вряд ли, – ответила я. – Его интересуют сотрудники, которые общались с покойным Гавриловым.

Брови Кряжимского поползли вверх, а интеллигентное лицо выразило крайнее изумление.

– Как вы сказали, Оленька? Я не ослышался? Покойного?! Неужели вы имеете в виду того самого Гаврилова, который был героем нашего последнего материала?

– Увы, Сергей Иванович! – сказала я. – Того самого. Получилось так, что через два дня после выхода газеты этого возмутителя спокойствия прикончили. Следователь говорит об этом очень туманно, но зато очень прозрачно намекает, что между двумя этими событиями существует какая-то связь. Ужасный пизон!

Кряжимский наморщил лоб и сокрушенно покачал головой.

– Понимаю ваше возмущение, но... – он виновато улыбнулся. – Мне кажется, что в данном случае профессиональная интуиция его не подводит. Пожалуй, я готов с ним согласиться.

Кряжимский – наш самый опытный сотрудник, кладезь информации и интеллекта. Не прислушиваться к его мнению невозможно, но сейчас я почему-то заупрямилась.

– Что вы такое говорите, Сергей Иванович! – проворчала я. – Ну какая может быть связь? Его никто не трогал, несмотря на то, что со своей собакой он не давал проходу всему поселку. А после статьи вдруг сразу убили! Чепуха какая-то! Это же статья, а не индульгенция.

Кряжимский опять покачал головой. В упрямстве он тоже мог дать мне сто очков вперед.

– И все-таки какая-то связь есть! – решительно заявил он. – Пока не могу объяснить – какая, но если в этом деле хорошенько покопаться...

– Уже копаются, – сказала я. – Наверное, и прокуратура подключится. Уже спрашивали, какими видами оружия Виктор владеет.

– Какой ужас! – прошептала Марина, прижимая ладони к щекам. – Неужели они решили, что он – убийца?

– Вот это уж чистой воды чепуха! – уверенно заявил Кряжимский. – Видимо, следствие пока пребывает в некоторой растерянности и прощупывает все возможные варианты. А этих вариантов у них, скорее всего, совсем немного. Насколько я понимаю, Гаврилов жил здесь затворником и в контакт практически ни с кем не входил, если не считать соседей по даче и опять же нашей газеты. Но мы ведь многого о нем не знаем – что это за человек, зачем он сюда приехал, как договорился с хозяином дачи. А я подозреваю, что именно эти вопросы и являются основополагающими в этом деле. У меня предчувствие, что собачья история здесь вообще ни при чем, и если следствие пойдет по этому пути, то неизбежно зайдет в тупик.

– Что-то я вас не совсем понимаю, Сергей Иванович, – сказала я. – Сначала вы сказали, что между статьей и убийством наверняка есть связь, а теперь утверждаете совершенно обратное.

– Я ничего не утверждаю, Оленька, – мирно возразил Кряжимский. – Во-первых, я только лишь предполагаю, а во-вторых, тут нет никакого противоречия. Между статьей в газете и убийством связь есть, а между собакой и убийством ее нет. Собака не явилась мотивом убийства – я в это поверить не могу. Конечно, мы не знаем всех обстоятельств, но все равно такой вариант мне представляется маловероятным.

– Тогда что же? – спросила я. – Статья-то была о собаке! Вернее, о собаках...

– Позволю себе предположить, что статья могла быть о чем угодно, – сказал Кряжимский. – Решающим фактором здесь была фотография Гаврилова и его координаты, так я считаю. Кто-то искал этого человека, прочел газету, и вот, пожалуйста...

– То есть причины насильственной смерти, по вашему мнению, следует искать в прошлом этого человека?

– Мне кажется, это логично, – заметил Кряжимский.

– Но ведь Гаврилов не очень-то скрывался, – сказала я. – Нельзя сказать, что он вел себя тихо и осмотрительно. И потом, он предъявлял документы участковому. Если бы он числился в розыске, наверное, милиционер что-либо заподозрил бы...

– А почему вы решили, что Гаврилов числился в розыске? – возразил Кряжимский. – Совсем не обязательно. А если предположить, что скрывался он вовсе не от правосудия? Кстати, именно скрывался – я настаиваю на этом. Он практически не покидал своего убежища, не водил ни с кем компанию и пресекал все попытки контакта.

– М-м... пожалуй, в этом есть какое-то зерно, – задумчиво сказала я, вспоминая, каким показался мне Гаврилов при нашей короткой встрече. – Вы не собираетесь поделиться своими размышлениями с нашим гостем, Сергей Иванович?

– Не знаю, нуждается ли он в моих размышлениях, – скромно ответил Кряжимский. – Полагаю, он и сам неизбежно придет к подобным выводам, когда изучит все обстоятельства дела. Ведь он профессионал, и к его услугам вся правоохранительная машина, так сказать. Наши с вами возможности ограничены. Нужно искать того, кому было выгодно это преступление, а этот человек может находиться сейчас за сотни километров отсюда.

– Боюсь, что следствие предпочтет искать этого человека где-нибудь поближе. В разговоре, например, всплыла фамилия Токмакова.

Лицо Кряжимского сделалось озабоченным.

– В самом деле? – сказал он. – Тогда мои выводы тем более не устроят следствие. Нет, вы знаете, в данном случае я не рискну давать никаких советов – слишком ограниченная информация, которой мы располагаем. Пусть решают профессионалы.

– Однако хорошо мы будем выглядеть, если, взявшись помочь Токмакову, невольно подложим ему свинью! – заметила я.

– Ну, все это пока вилами на воде писано! – не слишком уверенно высказался Кряжимский.

Наше обсуждение было прервано появлением Полянского, который вышел из кабинета, помахивая своей сумочкой. На губах его бродила снисходительная улыбка. За ним шел Виктор, глядя в спину следователю довольно-таки скептическим взглядом. Полянский быстро оглядел нас всех и сказал:

– Ну что ж, нашей беседой я в каком-то смысле доволен. Благодарю за помощь. Возможно, мне еще понадобится с вами встретиться, так что, Ольга Юрьевна, не откажите в любезности, в случае чего, прибыть к нам. А теперь разрешите откланяться, меня ждут дела!

И он покинул наш офис, окончательно похоронив надежды Марины на общение с интересным мужчиной.

Едва он вышел, как Виктор довольно кисло сообщил:

– Меня расспрашивали, как я умею обращаться с ножом.

– Выходит, Гаврилова зарезали? – растерянno спросила я неизвестно кого.

Не говоря больше ни слова, я направилась к телефону и набрала домашний номер Токмаковых. Трубку сняли почти мгновенно, и я услышала испуганный, почти плачущий голос Любове Георгиевны.

– Здравствуйте, – сказала я. – Это Бойкова из «Свидетеля». Любовь Георгиевна, что случилось? У вас неприятности? К нам сейчас приходил следователь...

– Ольга Юрьевна, дорогая! – простонала Токмакова. – Это ужасно! Мне кажется, я схожу с ума! Что мне делать? Вы представляете, Валерия Сергеевича арестовали! Подумать только – его обвиняют в убийстве!

Глава 4

Плотно задернутые шторы на окнах, траурное одеяние хозяйки, ее заплаканное лицо невольно наводили на мысль, что в доме покойник. Хотя я точно знала, что это не так, мне все равно стало не по себе, когда мы с Любовью Георгиевной уединились в сумрачной гостиной. На мой взгляд, не стоило впадать в столь мрачное уныние, когда речь шла всего лишь об аресте. Вещь, конечно, неприятная, но далеко не смертельная. Однако Любовь Георгиевна, как это свойственно тонким натурам, воспринимала ситуацию так, будто проводила мужа в последний путь. К счастью, она не считала меня виновницей этой драмы, иначе вряд ли наша встреча могла бы состояться. Пожалуй, даже наоборот – Токмакова смотрела на меня с какой-то затаенной надеждой, словно я была единственным человеком, который знает, как вызволить из тюрьмы ее мужа и прекратить этот кошмар.

Я вовсе не была уверена в своем могуществе, но на всякий случай держалась уверенно и решительно. Ничего конкретного я пока не планировала, но одно было ясно: мне придется вмешаться в это дело, чтобы не чувствовать себя виноватой перед человеком, который обратился ко мне за помощью и именно с этой помощью попал в передрыгу. Даже если Токмаков действительно виновен – мой долг по возможности облегчить его участь.

Любовь Георгиевна не торопилась начинать разговор, она была слишком растеряна. Вытирая глаза промокшим платком, она нервно затягивалась сигаретой, которая явно была в это утро не первой: пепельница на столе была полна окурков.

Ожидая, пока хозяйка соберется с силами, я, деликатно отвернувшись, рассматривала комнату. Как и следовало ожидать, некий богемный дух присутствовал в жилище Токмаковых. Гостиная была обставлена современной удобной мебелью, но здесь были и изысканные антикварные вещи: несколько бронзовых подсвечников на стенах, китайская напольная ваза из тонкого фарфора и резной столик, за которым мы сидели. Также я обнаружила несколько картин, написанных маслом, – скорее всего, руки местных мастеров, – театральную афишу спектакля «Мастер и Маргарита» и еще огромную хрустальную люстру у себя над головой, многочисленные подвески которой начинали тонко и неумолчно звенеть, как только за стенами дома прокатывался по рельсам очередной трамвай.

– Господи! Ольга Юрьевна, дорогая, простите меня! – неожиданно сказала плачущим голосом Токмакова. – Я совсем сама не своя сегодня. Даже не предложила вам ничего! Может быть, выпьете кофе, чаю?

– Пожалуйста, не волнуйтесь! – сказала я. – Мне ничего не нужно. Если разрешите, я тоже закурю, и давайте поговорим о деле. Время дорого.

– Да-да, конечно, курите! – засуетилась Токмакова, придвигая ко мне поближе пачку «Мальборо», настольную зажигалку и пепельницу.

– Спасибо, у меня свои, – возразила я, доставая из сумочки пачку сигарет.

Закурив, я вопросительно посмотрела на Любовь Георгиевну. Ее большие пронзительные глаза были полны муки. Принужденно улыбаясь и нервно ломая пальцы, она потерянно спросила:

– С чего же начать? Даже не знаю... У меня все путается в голове.

– Начните с того момента, как мы с вами расстались, – предложила я. – Ведь мы с тех пор больше не виделись. К сожалению! Может быть, если бы мы хотя бы созвонились в эти дни, все было бы совсем по-другому.

– Да-да, наверное! – жалобно произнесла Любовь Георгиевна. – Наверное, этого бы не случилось. Однако что же было в этот период? Я совершенно ничего не могу вспомнить! А знаете, ничего выдающегося, кажется, и не было. Я как раз закончила статью для одного московского журнала. Валерий Сергеевич был занят в спектакле, на даче мы не были ни разу...

Потом вышла газета с вашей статьей. И вы знаете, – она немного оживилась, – она мне понравилась! Очень острая статья. И проблема обозначена совершенно четко и недвусмысленно. Наверное, на эту публикацию откликнутся многие. Правда, Валерий Сергеевич отреагировал со свойственным мужчинам пессимизмом – сказал что-то в том смысле, что слова теперь ни на кого не действуют. Но я все-таки думаю, что он не прав.

Тут она замолчала, болезненно сморщившись и прижав ко лбу тонкие белые пальцы. Потом лицо ее просветлело.

– Потеряла нить, извините! – сказала затем Любовь Георгиевна. – Итак, вышла газета, а на следующий день Валера был свободен, и мы решили все-таки съездить на дачу – посмотреть, что и как, да и отдохнуть заодно. Валера еще шутил, что, если собака опять нападет на нас, мы прочитаем вслух газету. Вот и сглазил!

Любовь Георгиевна внезапно и обильно прослезилась, и мне пришлось некоторое время ее успокаивать, прежде чем она сумела продолжить свой рассказ. Наконец слезы высохли, и Токмакова, снова извинившись, заговорила:

– Конечно, Валерия Сергеевича можно осуждать. Наверное, стоило бы вести себя в той обстановке иначе, но, в конце концов, мы такие же граждане и имеем равные права, – она умоляюще посмотрела на меня, словно упрасывая хранить страшную тайну. – Валерий Сергеевич вечером немного выпил, чтобы расслабиться, снять стресс. Увы, актеры далеко не безгрешны! Но если бы люди знали, как тяжело это – постоянно менять обличье, рвать душу перед зрителем! Ведь артист проживает не одну жизнь, как мы с вами, он проживает десятки, сотни жизней!.. Но я, кажется, отвлеклась...

Она немного помолчала, потом обреченно махнула рукой.

– Я, собственно, не одобряю этого, но что поделать?... Поздно что-то менять, верно? В общем, до дачи мы добрались без приключений. Я немного повозилась в саду... Дело шло к вечеру. И тут Валерию Сергеевичу пришло в голову сходить в магазин! Ну, вы меня понимаете... Я не могла отпустить его одного. Мы пошли вдвоем. Кстати, до сих пор наш агрессивный сосед не подавал никаких признаков жизни, и мы как-то совсем позабыли о его существовании. Он напомнил о себе, когда мы уже возвращались обратно. Разумеется, он был со своим ужасным псом. А дорожки между дачами вы сами видели какие. Разойтись просто невозможно.

– Собака опять набросилась на вас? – с тревогой спросила я.

– Она сделала такую попытку, – кивнула Любовь Георгиевна. – Но, знаете, муж был настроен весьма решительно и к тому же был в некоторой эйфории. Он подобрал с земли палку и весьма чувствительно огрел пса. Тот вынужден был отступить.

Зато его хозяин стал проявлять активность. Он был, как всегда, то ли пьян, то ли с похмелья и очень зол. Он пригрозил мужу, что за собаку голову ему оторвет. К сожалению, Валера ответил ему тем же. Они начали переругиваться и выкрикивать ужасные угрозы. Сцена была безобразная. Представьте, два здоровых мужика кроют друг друга матом, размахивают руками, собака оглушительно лает. Подозреваю, что смотреть на нас сбежалась вся округа. И тут муж совершенно неосторожно пообещал этому типу убить его. Да-да, прямо так и сказал! Это он-то, который даже мухи не обидит! Но слово – не воробей... С этой дурацкой палкой он готов был немедленно броситься в драку – я его еле удержала. В общем, кое-как мне удалось их развести. Гаврилов с собакой отправился дальше, а мы вернулись на дачу. Муж был очень возбужден и никак не мог успокоиться. Но я прошу вас мне поверить – к тому, что произошло дальше, он не имеет ни малейшего отношения! Всю ночь он был у меня на глазах. Он опять выпил и, извините, отключился. Проспал всю ночь на диване, не раздеваясь, и ни на секунду не отлучался. Вы мне не верите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.